

Н.А. Некрасов

О значении форм русского глагола

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н48

Н48 **Некрасов Н.А.**
О значении форм русского глагола / Н.А. Некрасов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 320 с.

ISBN 978-5-4241-9679-9

ISBN 978-5-4241-9679-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
<i>Введеніе</i>	1
Гл. I. Значеніе глагола, какъ особаго разряда словъ въ русскомъ языкѣ, и значеніе его въ живомъ употребленіи, т. е. въ рѣчи. Грамматическіе залогы. Смыслъ руссвой частицы <i>ся</i> при глаголахъ. Дѣленіе русскихъ глаголовъ на два разряда	25
Гл. II. О формахъ русскаго глагола: существительной и личной	85
Гл. III. Объ отсутствіи формъ въ Русскомъ языкѣ для обозначенія времени глагола	117
Гл. IV. О степеняхъ Русскаго глагола	140
Гл. V. О глаголахъ, сложныхъ съ предлогами	175
Гл. VI. О прилагательныхъ формахъ русскаго глагола.	247
Гл. VII. Какимъ образомъ выражаются времена въ Русскомъ глаголѣ?	297

ВВЕДЕНІЕ.

Наша русская грамматика пользуется весьма незавидною славою. Вотъ что говорить о ней знатокъ русскаго народнаго языка, В. И. Даль, въ IV выпускѣ своего полезнаго труда (я разумѣю «Толковый словарь живаго великорусскаго языка» (вып. IV, стр. IV): «составитель словаря искони былъ въ какомъ то разладѣ (съ грамматикою), не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее, не столько по разсудку, сколько по какому то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не опшюлярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской грамматикѣ латинскую и нѣмецкую, а русской не находилъ.» Дѣйствительно, наша грамматика изобилуетъ схоластикой и вовсе непримѣнима къ пониманію роднаго языка. Время наложило на нее тяжелымъ гнетомъ общіе сухіе приемы и взгляды, отъ которыхъ невольно станешь въ тупикъ при изученіи живой рѣчи. Стоитъ сравнить новыя и старыя учебники, чтобы вполне убѣдиться въ справедливости сказанной мысли. Почти всюду тѣже приемы, тѣже способы изложенія. Вездѣ вѣтъ однимъ и тѣмъ же тлетворнымъ духомъ правилъ и исключеній. Вездѣ языкъ разсматривается, какъ трупъ не смотря на предисловія, въ которыхъ авторы обѣщаютъ обращаться съ языкомъ, какъ съ живымъ организмомъ. Если встрѣчается различіе въ изложеніи и приемахъ, то оно заключается лишь во вѣшности ихъ. Въ одномъ учебникѣ напр. насчитывается болѣе, въ другомъ менѣе частей рѣчи. Въ одномъ грамматика дѣлится на четыре части: этимологію, синтаксисъ, орфографію и просодію; въ другомъ на двѣ: этимологію и синтаксисъ. Въ одномъ прежде говорится о глаголѣ, въ другомъ грамматика начинается съ имени существительнаго. Въ иныхъ учебникахъ правила предшествуютъ примѣрамъ, въ другихъ — при-

мѣры правиламъ и т. п. Но теорія оставалась во всѣхъ одна и таже. Она вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь нашихъ учебниковъ. Отъ ея влiянiя не свободенъ самый послѣднiй и самый замѣчательный трудъ, я разумѣю «Историческую Грамматику» профессора **Ө. И. Буслаева**. Историческая почва, внесенная въ изученiе русскаго языка, рѣзко отличаетъ ее отъ всѣхъ бывшихъ прежде грамматикъ съ однимъ теоретическимъ изложениемъ. Одно это дѣло уже представляетъ весьма важную услугу, которую почтенный авторъ оказалъ русской грамматикѣ, какъ наукѣ. Но кромѣ того въ его книгѣ есть и другое не менѣе важное достоинство: авторъ постоянно обращаетъ вниманiе на различiе между языкомъ книжнымъ, и живымъ народнымъ. Такимъ образомъ онъ первый указалъ въ своей грамматикѣ на эти, такъ сказать, три струи, бѣгущiя по руслу развитiя нашего языка: историческую, книжную и живую народную. Фактическая сторона по этимъ тремъ направленiямъ развитiя языка указана авторомъ въ возможно полномъ объемѣ. Все это дѣлаетъ его книгу необходимою для каждаго, занимающагося изученiемъ русскаго языка. Но при всѣхъ важныхъ и неоспоримыхъ достоинствахъ она имѣетъ и свою слабую сторону въ теоретическомъ отношенiи. Факты, взятые изъ исторiи языка, изъ его устнаго народнаго и книжнаго употребленiя не связаны между собою органически. Авторъ почти во всемъ въ сущности остался вѣрнымъ тому же теоретическому взгляду на разработку ихъ, который существовалъ до его книги. Влiянiе теорiи, предписывающей правила языку, необходимо должно было ограничить ученую разработку собраннаго авторомъ богатаго материала дѣятельностию троякаго рода: одно онъ долженъ былъ отбрасывать, другое — замѣнять, третье — прибавлять, но все это дѣлать въ духѣ прежнихъ правилъ и исключенiй. Поэтому хотя теоретическая часть труда профессора въ сущности отличается тѣмъ же направленiемъ, какое было и прежде, но она излагается съ такою точностию и ясностию, до какой можетъ достигнуть полное и добросовѣстное изученiе языка съ точки зрѣнiя установившейся уже теорiи. Но именно это-то послѣднее достоинство — достоинство изложенiя — и служитъ объясненiемъ того, что въ «Исторической Грамматикѣ» передъ лицомъ фактовъ языка отразилась, какъ въ зеркалѣ, несостоятельность принятой авторомъ теорiи. Какъ бы то ни было книга профессора **Буслаева** имѣетъ для науки два весьма важныхъ значенiя: съ

одной стороны она представляет замѣчательный и обильный матеріалъ для изученія языка; съ другой — полную теорію нашихъ грамматикъ, изложенную съ большею ясностію и знаніемъ дѣла. Читая ее, мы увидѣли, что идти далѣе по тому же пути въ изложеніи теоріи нѣкуда; а между тѣмъ множество фактовъ въ языкѣ остаются безъ надлежащаго объясненія. Вотъ почему мы пользуемся исключительно этою книгою для возраженій противъ существующей теоріи русской грамматики, и, несмотря на несогласіе нашихъ выводовъ съ нею, считаемъ долгомъ быть признательными ей, какъ труду, наведшему насъ своею фактической стороною на новыя мысли о русскомъ глаголѣ.

Вернемся теперь нѣсколько назадъ къ вопросу о теоріи принятой вообще въ нашихъ грамматикахъ и постараемся объяснить вкратцѣ причины ея несостоятельности. Было уже замѣчено, что главный, существенный недостатокъ состоитъ въ *непримѣнимости* ея къ языку русскому. Но откуда же эта *непримѣнимость*, когда вся забота авторовъ грамматикъ и состояла въ томъ, чтобы примѣнять ту или другую теорію къ нашему языку? Изъ того ложнаго метода, отъ котораго въ нашъ вѣкъ всѣ науки освобождаются мало по малу. Теперь не мысль повѣряется фактомъ, а изъ фактовъ дѣлаются непосредственные выводы. Ни къ чему въ настоящее время нельзя подходить съ самодовольнымъ чувствомъ знатока и съ готовою мыслию, выработанною заранѣе чрезъ знакомство съ разными отвлеченными теоріями. Необходимо прежде всего приступить къ разсматриванію и изученію фактовъ и явленій природы и жизни. Въ настоящее время какъ-то неприлично стало смотрѣть на нихъ свысока, ставить науку на высшую подставку въ сравненіи съ природою и жизнью и рядиться въ докторскую мантию ученаго Вагнера, надменнаго своею ученостію. Пришло время сознанія, что вся наша вѣковая ученость -- ничто въ сравненіи съ безконечнымъ разнообразіемъ силъ и законовъ, проявляющихся въ явленіяхъ природы и жизни, что не они зависятъ отъ нашихъ знаній, а наши знанія зависятъ отъ ихъ благосклонности предстать предъ испытующимъ умомъ въ болѣе или менѣе доступной, ясной формѣ; что вся наука живетъ не гдѣ-нибудь на сторонѣ, а именно внутри, въ самыхъ явленіяхъ природы и жизни, и что, наконецъ, пора уже бросить важно драпироваться въ ученую мантию и обратить ее въ мѣшокъ для сбора фактовъ. Теперь наука извлекается не изъ головы, а изъ нѣдръ самой жизни и при-

роды. Такъ ли дѣлается въ нашей грамматикѣ? Слѣдуетъ ли изученіе русскаго языка этому плодотворному методу, методу индуктивному? пока нигдѣ этого не видно. До сихъ поръ дѣло дѣлалось такимъ образомъ: бралась готовая теорія и прилагалась прямо къ русскому языку. Основою для всей грамматической школы служили грамматики латинскія и нѣмецкія. Иногда же къ русскому языку примѣнялись выводы общей философской грамматики. Но въ томъ и другомъ случаѣ, очевидно, методъ былъ совершенно противоположный тому, которому слѣдуютъ въ настоящее время другія науки. Понятно, что примѣнимость теоріи къ языку могла быть лишь формальная, которою довольствовались до извѣстнаго времени, а потомъ, въ виду господства индуктивнаго метода, ложь формальной примѣнимости теоріи къ языку явилась предъ современными живыми интересами науки со всею очевидностью.

Извѣстно, что наука интересна тогда, когда въ ней видна жизнь, когда задача и стремленія ея ясны для каждаго, когда польза ея очевидна. Было время, когда всѣ безусловно вѣрили, что грамматика учитъ правильно говорить и писать, когда, слѣдовательно, практическая польза ея, какъ науки, была ясна для каждаго. Тогда никто не сомнѣвался въ необходимости ея изученія, и всѣ ея правила и исключенія заучивались съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ. Но это время прошло. Опытъ доказалъ, что грамматика не научаетъ говорить и писать правильно, что и то и другое гораздо легче приобрѣтается навыкомъ, практикою. Къ чему же стало трудиться надъ скучнымъ, безжизненнымъ заучиваніемъ правилъ и исключеній? Явилось разочарованіе въ истинно научномъ значеніи грамматики и началось общее броженіе относительно пользы ея въ преподаваніи. Одни старались отстоять то, съ чѣмъ сжились въ продолженіе многихъ лѣтъ; другіе, напротивъ, мало по малу доходили до полнаго отрицанія необходимости ея преподаванія. Послѣ сочиненія В. Гумбольдта: *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts* 1836 г. *). (О различіи строенія языковъ и его вліяніи

*) Я привелъ заглавіе книги В. Гумбольдта по нѣмецки, не смотря на то, что она переведена г. П. Билибинимъ на русскій языкъ, потому что, по моему мнѣнію, оно въ переводѣ передано не точно; а именно такъ: «О различіи организмовъ чловѣческаго языка и т. д.» В. Гумбольдтъ вовсе не смотритъ на отдѣльные языки, какъ на особые организмы языка въ томъ смыслѣ, въ какомъ

на духовное развитіе человѣческаго рода), и книгѣ Беккера: «Organism der Sprache» 1841 г. пошла въ ходъ новая мысль о языкѣ, какъ о живомъ организмѣ. Тогда увидѣли, что существующая теорія не представляетъ въ себѣ ничего живаго. Книга Беккера очаровала всѣхъ ясностью и систематическою послѣдовательностью логической постройки. Не многіе видѣли въ ней ту отвлеченность пониманія языка, отъ которой далеки были В. Гумбольдтъ, Успѣхъ книги Беккера былъ значительнѣе успѣха сочиненія Гумбольдта, особенно у насъ въ Россіи. Отвлеченное построеніе теоріи языка мы приняли за лучшую исходную точку для изученія и своего роднаго языка, тоже въ смыслѣ живаго организма, и отвлеченную теорію ученаго нѣмца стали прилагать къ языку русскому. Явилась замѣчательная брошюра г. Басистова: «Система Сиптаксиса», написанная подъ непосредственнымъ вліяніемъ книги Беккера. Брошюра была встрѣчена многими похвальными отзывами. Дѣйствительно, никто лучше г. Басистова не представилъ другаго примѣненія теоріи нѣмецкаго ученаго къ языку русскому. Она до сихъ поръ не потеряла значенія для преподаванія такого синтаксиса русскаго языка, который долженъ быть основанъ на общихъ логическихъ началахъ языка. Но дѣло въ томъ, что ни нѣмецкій ученый, ни его русскій послѣдователь вовсе не представили языка въ томъ смыслѣ, въ какомъ желали. Читая книгу Беккера и систему синтаксиса г. Басистова, языкъ представляется скорѣе въ образѣ скелета, изсущеннаго логическимъ отвлеченіемъ и очищеннаго систематическимъ изложеніемъ, чѣмъ въ образѣ живаго организма, въ которомъ жизнь обнаруживается непрерывнымъ движеніемъ и игрою красокъ. Оттого взглядъ на языкъ, какъ на живой организмъ, остался до сихъ поръ въ русской грамматикѣ, или, вообще, въ примѣненіи его къ изученію русскаго языка, не болѣе, какъ звучною фразою. Обыкновенно съ понятіемъ о языкѣ, какъ о живомъ организмѣ, соединяется представленіе о чемъ-то цѣльномъ, подобномъ животному. Такое представленіе, какъ ни пластично само въ себѣ, не имѣетъ однако истиннаго смысла. Оно-то именно и ведетъ къ построенію изъ данныхъ теорій цѣленькихъ системъ въ родѣ брошюры

принимаетъ организмъ языка другой нѣм. ученый Беккеръ. Выраженіе *der menschliche Sprachbau* не равняется выраженію: *der menschliche Sprachorganism.* Иначе В. Гумбольдтъ назвалъ бы свое сочиненіе такимъ образомъ: *Ueber die Verschiedenheit der menschlichen Sprachorganismen u. s. w.*

г. Басистова. Подчинять живое развитіе языка цѣльной, замкнутой системѣ, основанной на логическихъ отвлеченныхъ началахъ, не значитъ признавать живую сторону языка, какъ организма, за содержаніе, достойное науки. Со взглядомъ на языкъ, какъ на живой организмъ, слѣдуетъ обходиться въ признаніи его къ дѣлу осторожнѣе. Языкъ не есть животное. Слѣдовательно, подъ организмомъ языка нельзя разумѣть того же, что разумѣютъ подъ организмомъ животного. Послѣдній, дѣйствительно, представляетъ цѣлое, ограниченное тѣло, части котораго служатъ для всѣхъ тѣхъ отправленій, которыми определяется полная жизнь организма. Но языкъ не есть определенное цѣлое, замкнутое въ своей индивидуальности. Онъ въ самыхъ малѣйшихъ своихъ частяхъ является открытымъ со всѣхъ сторонъ къ воспріятію и творчеству въ одно и тоже время. Все то, что обязано своимъ бытіемъ животному, становится бытіемъ внѣшнимъ въ отношеніи къ послѣднему; напротивъ, все то, что создано и воспринято языкомъ, становится достояніемъ его же внутренняго содержанія, входитъ въ его же объемъ. Языкъ въ мірѣ мысли почти то же, что воздухъ въ мірѣ вещества. Какъ воздухъ проникаетъ и обнимаетъ собою предметы вещественной природы, такъ языкъ проникаетъ и обнимаетъ собою умственный міръ человѣка. Поэтому языку приличнѣе свойство *единства*, нежели свойство *цѣлости*. И съ этой точки зрѣнія онъ скорѣе представляется, какъ *единый органъ*, нежели, какъ *цѣлый организмъ*. Припомнимъ, что В. Гумбольдтъ опредѣляетъ языкъ не образовательнымъ организмомъ мысли, а образовательнымъ органомъ мысли. Die Sprache ist der bildende Organ des Gedankens, говоритъ онъ, (языкъ есть образующій органъ мысли), т. е., что мысль человѣческая находитъ въ языкѣ средство получить соответственный (хотя и не торжественный) опредѣленный образъ. И такъ языкъ, понимаемый въ смыслѣ средства, дарованнаго человѣку Богомъ для выраженія мысли, не представляетъ собою цѣльнаго организма, а напротивъ, скорѣе долженъ быть понимаемъ, какъ единый органъ. Но разсматриваемый съ звуковой стороны, т. е. какъ рѣчь, слово, звукъ, онъ имѣетъ въ этихъ отдѣльныхъ частяхъ множество другихъ органовъ, служащихъ къ отправленіямъ его жизни, и потому съ этой точки зрѣнія можетъ быть названъ организмомъ. А такъ какъ жизнь языка, разсматриваемая съ звуковой его стороны, есть ничто иное, какъ непрерывное раз-

витіе, совершающееся въ отдѣльныхъ его частяхъ посредствомъ живой рѣчи, то языкъ, понимаемый въ смыслѣ живаго организма, хотя представляется чѣмъ-то сложнымъ изъ частей и подчиненнымъ въ своихъ частяхъ закону разнообразія и развитія, однако все же — не цѣлымъ и замкнутымъ, какъ организмъ животнаго.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ этотъ взглядъ можетъ быть примененъ къ дѣлу. Известно, что языкъ каждаго чело-вѣка есть выраженіе его личнаго міросозерданія, а языкъ отдѣльнаго народа есть выраженіе міросозерданія этого народа. Известно также, что какъ одинъ чело-вѣкъ отличается множе-ствомъ признаковъ отъ другихъ людей, такъ точно и каждый народъ имѣетъ множество признаковъ, отличающихъ его отъ другихъ народовъ. Это разнообразіе дробится до такой безко-нечности, что становится способнымъ ускользать отъ наблюде-нія. Дѣйствительно, мы прежде всего замѣчаемъ сходныя при-знаки именно потому, что ихъ находится меньше въ подобныхъ предметахъ. Они первые бросаются намъ въ глаза своими круп-ными чертами. Между тѣмъ ясно, что не въ сходствѣ заклю-чается жизнь не только народа, чело-вѣка, но и каждаго пред-мета, какъ существа отдѣльнаго, — а въ тѣхъ почти неуло-вимыхъ отличительныхъ признакахъ, которые требуютъ особен-но тщательнаго и строгаго наблюденія надъ собою. Указать на тѣ предѣлы, въ которыхъ можетъ развиваться законъ разно-образія въ данномъ предметѣ, значитъ опредѣлить то, въ чемъ заключается жизненная сторона его, значитъ провести тѣ ти-пическія черты, которыя съ одной стороны отличаютъ его отъ другихъ подобныхъ предметовъ; съ другой, — дадутъ возможность понять все то разнообразіе признаковъ, которое только можетъ быть свойственно данному предмету. Въ этомъ случаѣ самые полезные примѣры подають намъ лучшіе поэты, которые именно такимъ образомъ поступаютъ въ очертаніи характеровъ своихъ личностей. Они не высчитываютъ всѣхъ малѣйшихъ подро-бностей, отличающихъ характеръ одного лица отъ другого, а на-мѣчаютъ только тѣ черты, которыя необходимы для выраженія его индивидуальности; но дѣлають это такъ, что все остальное легко дополняется воображеніемъ читателя, или зрителя. Лицо, художественно изображенное поэтомъ въ его произведеніи, жи-ветъ полною жизнью и можетъ быть всегда отличено отъ ты-сячи другихъ подобныхъ же личностей. Оно влечетъ къ себѣ

каждаго, умѣющаго цѣнить истинное и прекрасное, не потому что оно добродѣтельно, а потому что естественно, вѣрно правдѣ жизни, слѣдовательно, живо. Почему бы точно такимъ же образомъ не поступать и каждой частной грамматикѣ въ дѣлѣ изученія языка какого либо народа? Мы думаемъ, что дѣло частной грамматики именно состоитъ въ томъ, чтобы указать на тѣ типическія черты и стороны языка, которыми онъ съ одной стороны отличается отъ другихъ языковъ, съ другой отираываетъ обширное поле своихъ до безконечности разнообразныхъ признаковъ. Если мы будемъ изучать природный нашъ русскій языкъ, отыскивая въ немъ то, въ чемъ онъ сходствуетъ съ другими языками, то, по нашему мнѣнію, мы никогда не будемъ въ состояніи понять его собственной индивидуальности, никогда онъ не предстанетъ для насъ въ своемъ живомъ образѣ — и въ русской грамматикѣ никогда не будетъ пахнуть русскимъ духомъ. Указывать же въ ней на однѣ только формы и звуки, отличающія русскій языкъ отъ другихъ, все равно, что отличать одного человѣка отъ другаго только по платью да по бородѣ. Но чтобы отыскивать типическія черты русскаго языка, нужно имѣть дѣло непосредственно съ самими фактами, и отказаться отъ всякой предвзятой теоріи; а главное, отъ ложнаго ея права предписывать языку правила и громоздить подъ ними исключенія. Само собою разумѣется, что въ такой теоріи, которая думаетъ, что она, а не самый языкъ, научаетъ говорить (даже говорить!) и писать правильно, могутъ быть всякія правила и всякія исключенія. Въ сущности все это — ничто иное, какъ произволь, внесенный въ науку; ибо въ языкѣ нѣтъ и не можетъ быть исключеній. Вотъ прекрасныя слова покойнаго К. С. Аксакова, котораго общій взглядъ на изученіе русскаго языка мы вполне раздѣляемъ: «на языкъ надобно смотрѣть иначе, надо взглянуть въ него глубже, понять внутренній смыслъ употребленія, внутренній законъ жизни, и тогда всякое дѣйствіе языка получить стройность и разумъ, исключенія исчезнутъ сами собою; ихъ въ сущности и нѣтъ; они — порожденія неловкихъ грамматикъ, которыя приходятъ къ языку съ внѣшними правилами, съ наружными мѣрками, и, стараясь подвести подъ нихъ все, что не подходитъ (а при такомъ наружномъ способѣ постиженія, — разумѣется, неподдающихся явленій множество), относятъ все неподходящее къ исключеніямъ, изъ которыхъ являются новыя исключенія и т. д. Грамматика такая вся наполнена множествомъ внѣш-